

АНОСОВ ЮРИЙ МАТВЕЕВИЧ (ПОДПОЛКОВНИК). Проходил службу в ДРА с 1984 по 1986 год Юрий Матвеевич Аносов родился 8 июля 1951 года в Ржеве. По окончании средней школы № 9 поступил в Вольское (Саратовская область) высшее военное командное училище. Военную карьеру начал в 1972 году в Приволжском военном округе. Затем были переезды – в Забайкальский, Прибалтийский и Московский военный округ. Служил Юрий Матвеевич в частях ВВС. В Афганистан в составе ограниченного контингента советских войск был направлен в 1984 году. Тогда Юрий был еще капитаном. – До Кабула мы летели самолетом. Вспоминаю, что когда захлопнулся люк – связь с Родиной как будто прервалась. И на самом деле, там, в небе, время уже четко разделилось на две половины: до и после Афганистана, – рассказывает Аносов. На аэродроме в Кабуле самолет еще долго маневрировал над посадочной полосой, вводя в заблуждение возможного противника, а когда вновь прибывшие офицеры вступили на афганскую землю, на посадку бодрым шагом шли те, кто уже отслужил положенный срок. – Я никогда не видел более счастливых людей, чем эти офицеры, которым повезло улететь домой сразу, не ожидая вылета в аэропорту по 3-4 дня. Их лица просто светились радостью в предвкушении долгожданной встречи с родными и друзьями. Иногда ведь эти ожидания вылета заканчивались трагедией. Совсем недавно был случай, когда моджахеды подожгли самолет с солдатами и офицерами, вылетавшими в Советский Союз, – говорит Юрий Матвеевич. Капитана Аносова назначили заместителем командира десантно-штурмового батальона, дислоцированного в городе Джелалабад. Аносов отвечал за обеспечение всеми видами довольствия своего батальона и близлежащих мотострелковых частей. Колонны состояли чаще всего из грузов разного назначения: от боеприпасов и оружия до тушенки со сгущенкой. Колонны на Хайратон шли обычно медленно – двигались с максимальной осторожностью и с минимальной скоростью. Все дело в том, что на дороге Джелалабад – Хайратон одностороннее движение. Два дня одна колонна идет в сторону Джелалабада, два дня идет другая – в сторону Хайратона. Первое страшное впечатление от службы в ДРА связано для Юрия Матвеевича с расстрелом впереди идущей колонны. Это случилось перед перевалом Саланг. – Мы вдруг услышали какой-то странный хлопок, а затем выстрелы из автоматов и гранатометов, крики, увидели стелющийся над колонной шлейф черного дыма, – вспоминает Аносов. По нашим движущимся колоннам «духи» стреляли, как правило, из «зеленки». Именно поэтому тактика прикрытия выглядела примерно следующим образом. Разведчики и десантно-штурмовые группы, сопровождающие колонны, делили горы на несколько секторов – снизу до самой вершины. Простреливались эти сектора из автоматов один за другим: кто-то брал на себя нижнюю часть горной пирамиды, кто-то среднюю, а кто-то самый верх. Выстрела можно было ждать, откуда угодно, хотя колонны начинали движение только после тщательного осмотра прилегающей местности специальными подразделениями – отрядами и группами. Топливозаправочные машины всегда двигались в хвосте колонн, поскольку бандиты и наемники стреляли в первую очередь именно по ним. Если подожгут топливозаправщик, то разгромят как по писаному сценарию всю колонну. Как правило, наши солдаты и офицеры не допускали остановки колонн. Подбитую технику собственноручно сталкивали с дороги в пропасть или кювет. Обычно колонны сопровождал взвод боевого охранения и один или несколько вертолетов. Это на моджахедов почти всегда действовало устрашающе и безотказно, однако, если они обстреливали колонну из какого-нибудь ущелья, то даже «вертушки» ничего не могли с

ними сделать. Два года Юрий Матвеевич в качестве командира водил колонны по направлениям: Кабул – Желалабад – Кабул, Желалабад – Кандагар – Желалабад, Митерлам – Желалабад – Айсадабад. Постоянное место дислокации – Желалабад – местность весьма жаркая и влажная. К невыносимой жаре почти нельзя было привыкнуть. Даже бывалые солдаты и офицеры во время движения колонн по пыльным раскаленным дорогам Афганистана снимали с себя не только форму, но и бронежилеты. Чтобы защититься от пуль и хотя бы немного забыть о жаре, их вывешивали на боковые стекла автомобилей. КАМАЗами, Уралами и ЗИЛами-131 довольно часто управляли люди гражданские, когда-то уже отслужившие в армии на территории Советского Союза, а здесь выполняющие свою обычную шоферскую работу, правда, в боевых условиях. Эта работа, конечно, постоянно была сопряжена с опасностью – быть раненым или убитым, попасть в плен или остаться инвалидом на всю жизнь. Многие гражданские водители не вернулись домой из этой опасной командировки. – Чаще всего я ездил в центре колонны, но не на БТРе, а в обычной машине. В один из дней еду также в машине с вольнонаемным водителем. Жара страшная, мы оба раздеты до пояса, бронежилеты висят на боковых стеклах кабины. Нашу грусть-тоску разгоняет музыка из магнитофона, который был установлен в кабине машины. Едем, время от времени переговариваемся друг с другом, и вдруг послышалось 3 хлопка. Вижу на стекле со стороны водителя три аккуратные дырки, парень молчит, а на шее у него кровь. Я остановил машину и начал его тормошить, но вскоре понял, что водитель убит. До конца контракта ему оставался всего лишь месяц. Выстрел был прицельный и четкий – работал снайпер. Ощущения от этого самые неприятные. Представляете, едешь с человеком в одной машине, только что разговаривал с ним, и вот его уже нет в живых! Описать словам эти ощущения и тогдашнее мое состояние невозможно! Эта пуля, стреляя снайпер с другой стороны, точно попала бы в меня и, конечно, давно уже не было бы меня на свете, – рассуждает Юрий Матвеевич. Да, с этими доводами нельзя не согласиться, хотя бы потому, что каждый понимает, что война, как и сама жизнь – это большая лотерея. Кому-то повезет, и он останется жив, а кто-то проиграет в этой безумной рулетке самое дорогое – здоровье или жизнь, и винить в этом можно только судьбу. И не всегда смерть на войне – это нечто героическое, достойное пера поэта или кисти художника. Чаще всего погибают здесь от шальной или выпущенной снайпером пули, от разрывов мин, гранат и снарядов, от тяжелых ранений, от выстрела из засады, от ножа или штыка правоверных мусульман, нападающих на наши позиции глубокой ночью. Все просто и обыденно: сейчас ты был, а через пять минут тебя уже нет, и от этого еще более страшно. В один из дней обстреляли и колонну, возглавляемую Аносовым. Стреляли снова из «зеленки» из гранатометов и другого стрелкового оружия. Первым же выстрелом был подбит топливозаправщик, затем машина с боеприпасами. Все это начало гореть и взрываться, но нашим бойцам удалось столкнуть мешающие движению автомобили в пропасть. Однако обстрел не прекратился, а наоборот, стал еще интенсивнее. Взводу боевого охранения пришлось вступить в перестрелку с душманами. Колонну сопровождала зенитная установка, установленная в кузове КАМАЗа. Эта «зенитка» действительно очень пригодилась. Атака была отбита, но потерь избежать не удалось – 4 человека погибли. Один солдат-зенитчик, поразив цель, подбежал с докладом к командиру, а у него из бедра кровь хлещет, как из водопроводного крана. – Как чувствуешь себя, боец? – спросил Аносов. Тот лишь ответил: «Нормально, ранение-то пустяковое!». Врач, осмотревший раненого, сказал,

что парень не выживет – потерял очень много крови. Кровотечение остановить удалось, но слишком поздно – солдат умер на руках своих товарищей, и перед смертью не потеряв присутствия духа! – Помню комок в горле, не проходящий несколько дней. Не мог ни есть, ни спать, чтобы не думать о погибших молодых солдатах, о таких вот героях, умирающих на поле боя самой обычной солдатской смертью, – вспоминает Аносов. В один из рейсов «духи» зажали колонну основательно. Хорошо, что рядом оказалась десантно-штурмовая группа. Как обычно это бывает в таких схватках, сожжены были несколько машин. Десантники помогли отразить нападение, но предпочли остановить колонну и пойти на прочесывание местности вместе с несколькими бойцами из взвода боевого охранения колонны. Вместе с десантниками прочесывал дувалы (кишлаки, в которых уже никто не живет) и Аносов. В одном из заброшенных домов, за дверью, Аносов увидел бородатого моджахеда с кинжалом, готовым в любую минуту вонзиться в грудь неверного, и первым нажал на спусковой крючок автомата. Бородач свалился прямо на него, заливая кровью форму-«афганку». – Не так-то просто убить человека, даже на войне, даже врага, – говорит Юрий Матвеевич. – Если бы я не успел выстрелить и не убил бы его, он разрубил бы меня на части без всякой жалости. А у меня все равно осадок на душе... Даже жалко в какой-то степени было этого бандита. Впрочем, может быть, это была и не жалость, а просто шок. Вообще чувства такого рода весьма противоречивые – сразу и не разберешь. Как-то раз пришлось Юрию Аносову лететь в одном из вертолетов, обычно сопровождающих колонны. Груз доставляли вертолеты МИ-8, а сопровождали их МИ-24, называемые на армейском сленге «крокодилами». Так вот, впереди, как бы прикрывая «вертушки» с грузом, летели три таких «крокодила». Во втором находился Аносов. Пилоты обстреливали территорию полета тепловыми ракетами, чтобы избежать обстрела «Стингерами». «Стингер» – это ракета теплового наведения, реагирует на тепло двигателя вертолета или самолета и безошибочно поражает цель. Однако на это раз тепловые ракеты не помогли. В первый МИ-24 попал «Стингер», вертолет взорвался прямо в воздухе. Естественно, все, кто там был, погибли. Этот случай стал, пожалуй, одним из самых ужасных воспоминаний Аносова о пребывании в ДРА. Все грузы, сопровождаемые Аносовым, приходили к месту назначения в срок и в полной сохранности. Если только не случалось каких-нибудь обстоятельств непреодолимой силы вроде обстрелов, нападений или засад. Рискованным был каждый маршрут, каждая дорога, а дома Юрия Матвеевича ждала жена и две дочери. Впрочем, смерть буквально дышала в затылок и тем, кто находился в дозоре или наряде, в карауле или на отдыхе, в строю или колонне солдат, идущих шаг в шаг по горным тропам, не избалованным излишней растительностью долинам и песчаным барханам. – Однажды трое наших солдат пошли за водой и не вернулись. Вначале поиски пропавших – украинца, казаха и русского – никаких результатов не принесли. Но вскоре нам удалось обнаружить недалеко от нашего расположения три трупа. Это были пропавшие солдаты. При них не было автоматов – видимо, захватили их в плен без единого выстрела, ребята не успели оказать вооруженное сопротивление. Все трое были раздеты. Целым оказался только труп солдата-казаха. У русского были выколоты глаза, отрезаны уши и гениталии. Украинец был без головы и с обрезанными гениталиями. Такое запоминается на всю жизнь и никогда врагу не прощается. Такие звери не имеют ничего общего ни с одной религией мира, в том числе и с правоверным мусульманством. Погибнуть в бою с неверными и убить их как можно больше – честь для любого мусульманина, но издеваться над

солдатами противника, живыми или мертвыми, причем, в такой извращенной форме – это дикость, отрицаемая настоящими представителями мусульманства. Эти зверства, не поддающиеся пониманию и моральной оценке со стороны нормальных людей, – плод «сотрудничества» местных моджахедов с наемниками-арабами, африканцами, представителями стран Западной Европы и Америки. Эти акции всегда были рассчитаны на запугивание солдат и офицеров Советской армии, на создание паникерского настроения в войсках и среди отдельных представителей командования среднего звена. Конечно, посеять панику и вселить в души «шурави» страх, не получалось, но такие зверства по отношению к пленным давали нашим еще один веский аргумент в нежелании попадать в плен. В то время советский солдат или офицер предпочитал погибнуть на поле боя, нежели попасть в руки наемников и душманов. Во многих современных фильмах любят показывать, как наши бойцы бросают на месте боя мертвых или раненых и, отстреливаясь, уходят. Любой, кто служил в Афганистане, скажет вам, что это неправда. Командир отвечал за каждого солдата. И с боевого задания должны были вернуться столько бойцов, сколько уходило. Убитых эвакуировали «вертушками», раненых тоже, если, конечно, это было возможно. Если же обстоятельства не позволяли задействовать вертолеты или другую боевую технику, раненых и убитых несли на себе! Это не сказки о героях, а реалии военного времени. Может быть, именно поэтому в Афганистане и не было такого количества бессмысленных жертв, как, например, в Чечне. И высшее командование, и непосредственные командиры берегли каждого солдата. Однако со стороны врага тоже не было дураков – воевать они умели неплохо. Этим и объясняется, что потери все же были – и убитыми, и ранеными. За 10 лет пребывания наших войск в ДРА там погибло от 10 до 15 тысяч наших солдат и офицеров. Раненых – около 30 тысяч. Наверное, это немалая цифра, но если сравнить ее с ежегодным количеством жертв на наших дорогах в мирное время, а это порядка 40 тысяч человек, то цифра эта будет выглядеть просто смешной! Да, гибель одного человека – это трагедия, а гибель миллионов – статистика. Горе матерей, потерявших в Афганистане своих сыновей, не измерить никакими цифрами, не исчерпать никакими объяснениями, не заглушить никакими соболезнованиями. Но у них есть одно главное утешение – их дети погибли не зря. В советской пропаганде говорилось, что умирали они во имя интернационального долга и счастья других людей, во имя защиты южных рубежей нашей страны. В перестроечное и демократическое время присутствие наших войск называли бессмысленной оккупацией. Сейчас мы говорим о том, что до тех пор, пока в Афганистане оставались советские войска, мир не знал, что такое мировой терроризм; советские мальчишки и девчонки не сидели поголовно на наркотической игле или какой-нибудь другой «дури». Слова «анаша», «гашиш», «крэк», «кокаин» и «героин» вошли в наш лексикон сразу после того, как «последний советский солдат» покинул Афганистан. Миллионы единиц стрелкового оружия проходят сегодня через Афганистан и оседают в странах Европы и Латинской Америки! А теперь, давайте-ка подсчитаем, какую цену заплатила Россия, да и весь мир, за то, чтобы освободить место на территории Афганистана для Америки с ее непомерными финансово-сырьевыми аппетитами и постоянно враждующими между собой криминальными группировками, которые под шумок демократии делают в этой стране свой «маленький гешефт»! Это не тысячи, а миллионы погибших от наркотиков. От войн, возникающих благодаря хорошему снабжению оружием всех «демократов» во всех «тоталитарных» государствах. От террористических актов различных радикальных группировок во всех уголках земли от

России до Америки. От голода, постоянных обстрелов и зачисток гибнут мирные афганцы, от пуль народных мстителей и исламских террористов – американские солдаты и офицеры, а также личный состав объединенных миротворческих сил Европы. И что же такое на этом фоне наши 10-15 тысяч погибших?! Хотя, повторяюсь, гибель каждого человека в отдельности – это невосполнимая потеря и необратимая трагедия. – Если я не доставлю в расположение части или раненого солдата, или его труп – с меня просто голову снимут! К месту постоянной дислокации должны быть доставлены все до одного! – вспоминает Юрий Матвеевич. – К тому времени и мы уже научились воевать, так что жертв было намного меньше. Небученных солдат на боевые операции никогда не посылали. Всех, кто пересекал афганскую границу, готовили не менее шести месяцев. И стрелять учили, и окапываться, и первую медицинскую помощь оказывать – словом, всему, что могло пригодиться в бою. Очень строго было в отношении мирных жителей. Их мы никогда не трогали, уважали их традиции и обычаи. Помню случай, когда один командир разведроты, награжденный ранее медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды, на операции по зачистке местности по ошибке расстрелял мирных жителей. За этот нечаянный проступок он был лишен всех наград и предан суду военного трибунала.

В Афганистане Юрий Аносов получил очередное воинское звание – майор. За годы службы в ДРА понял, что теперь умеет хорошо разбираться в людях, ведь только тут, в этих неприветливых горах, враг может запросто прикинуться другом, а потом при любом удобном случае воткнуть нож в спину или выстрелить наверняка из засады. Только здесь ничем не примечательный парнишка-рядовой в самый важный и нужный момент окажется рядом и прикроет тебя от пули своим щупленьким телом, и тела этого как раз хватит на то, чтобы сохранить тебе жизнь. Только здесь, среди дыма, взрывов и бесконечной трескотни автоматов, начинаешь ценить каждую минуту, каждую секунду, каждый миг отведенной тебе жизни, и понимать неземную красоту обыкновенной травинки, на которой только и отдохнет изъеденный порохом глаз и только здесь по-настоящему понимаешь, что такое боевое братство и крепкая мужская дружба. – Против нас в Афганистане воевал весь западный мир, и объективно, наверное, мы бы не смогли победить. Но, по крайней мере, навести порядок там мы могли, – отвечает на мой вопрос о целесообразности пребывания наших войск на территории Афганистана Аносов. – Командование уже вполне серьезно задумалось над тем, чтобы закрыть все афганские границы и с Пакистаном, и с Ираном, и с Индией, откуда к моджахедам и наемникам беспрерывно поступала помощь. Но, как всегда, не успели! Если бы нам удалось осуществить этот план, то мы навели бы там порядок в два счета. Жизнь, кстати, сама доказала правильность решения о вводе наших войск. Сейчас туда пришли американцы, какое-то время не было никаких иностранных сил, а стабильности и мира в этой стране как не было, так и нет! А Европа и Америка пожинает сегодня горькие плоды своего тайного вмешательства во внутренние дела этой исламской страны. Юрий Матвеевич вернулся в Советский Союз и продолжил службу в войсках. Дослужился Аносов до звания подполковника, уволился в запас. Сейчас работает в Ржеве, в службе пожарной охраны МЧС России. Вспоминает свою службу в армии, в том числе и Афганистан, всегда с некоторой долей ностальгии. Там не существовало четкой линии фронта, да и война-то была необъявленная. Но там были верные друзья, ответственные командиры, которые, как поется в песне, «не прятали сердце за спины ребят», там была молодость, которой не страшны ни пули, ни взрывы, ни смерть, ни забвение, а только кажется, что все хорошее еще впереди. Юрий Матвеевич Аносов награжден медалью

«За воинскую доблесть», медалью «За безупречную службу» 1-2 и 3 степеней, знаком «Ветеран Вооруженных сил СССР» и другими наградами Советского Союза и Афганистана. Прощание с Юрием Матвеевичем состоится сегодня в Оковецком храме в 12 часов 45 минут